

ТАЙНА ДУШИ

Алиса Бескровная

Тайна души

<https://litres.ru/74158862>

SelfPub; 2026

Аннотация

Люди живут привычной жизнью, не догадываясь о существовании другого мира. Они не подозревают, что их души имеют обличье, многие даже не верят в ее существование, не чувствуют, что в ином мире идет такая же борьба за выживание, как и в их собственном, не ощущают своих родных, их страдание и боль. Никто не знает, что ждет тебя в конце, когда душа отделиться от тела. Будет ли там Рай, Ад или Пустота?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	18
Глава 2	35
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Алиса Бескровная

Тайна души

Пролог

«Мальчик», — послышался пленительный и уже знакомый голос.

Я все чаще и чаще стал слышать чей-то зов, и каждый раз, оборачиваясь, не нахожу его хозяина. Мама говорит, что это просто фантазия разыгралась и на самом деле ничего нет. Мне бы хотелось так думать и забыть, но этот голос такой чарующий и притягательный — хочется пойти за ним...

Поднимаясь по лестнице, я еще раз украдкой посмотрел на запертую массивную дверь. Мое подсознание подсказывало: этот голос доносится именно из этой запертой комнаты. Сколько себя помню, она всегда была закрыта, и родители никогда не открывали ее и никому не разрешали туда входить. Хотя сестра когда-то проболталась, что в моем возрасте ночью увидела ее распахнутой настееж. Правда, сильно испугавшись, убежала, так и не зайдя в это таинственное место. И вот уже очень долгое время я жду, когда же и мне выпадет шанс наконец-то увидеть, что же спрятано внутри.

Сегодня в доме, как всегда, пусто. Ничего ни оставалось,

как пойти в свою комнату. Я часто остаюсь один в этом огромном помещении. По соседству даже детей нет! Отец всегда уходит рано утром и возвращается поздно, даже по выходным, а когда приходит, то сразу запирается на ключ в своем кабинете и никого не выпускает. Сестра обычно гуляет после школы допоздна, и, даже если свободна, ей некогда поговорить, а тем более поиграть. Чаще всего она прогоняет меня или жалуется, что я ей мешаю, иногда и вовсе игнорирует. Мама же в последнее время все чаще и чаще стала уходить к подругам или, как и папа, часами сидит в своей комнате. Как-то раз я слышал плач за дверью, но, когда зашел в комнату, чтобы успокоить, она выгнала меня, сильно накричав. Поэтому мне остается только сидеть и играть одному. От этого я все чаще чувствую себя одиноким. Вот почему так хочется узнать, кто же находится в загадочной комнате. Может, ему тоже одиноко сидеть там взаперти...

Этой ночью мне долго не удавалось заснуть: голова кружилась, лежать неудобно — все тело болело. Чтобы избавиться от этого противного чувства, пришлось встать с кровати и пойти к маме в спальню. Она наверняка даст какую-нибудь таблетку от боли. Я тихонько заглянул в ее комнату, но внутри никого не оказалось. Странно... Может, она на кухне?

Я вслепую дошел до лестницы и, ухватившись за перила, чтобы не упасть, спустился вниз. Желание посмотреть на

дверь, так сильно овладевшее моим воображением в последнее время, взяло верх. Я с надеждой посмотрел в ее сторону. Неожиданно дверь оказалась открытой. Прямо как рассказывала сестра. Наконец-то! Радостно подбежав к двери, я посмотрел внутрь, но не увидел ничего, кроме темноты. Казалось, вниз вела бесконечная лестница, в беспросветную пустоту. Комната оказалась подвалом, удивительно... Кто же может там жить? Неужели тот голос и вправду всего лишь мое воображение и ничего больше?

Снизу повеяло холодом, стало не по себе. Ноги задрожали, все тело покрылось противными мурашками, сразу захотелось уйти обратно в свою спальню. Все мои мечты о волшебной комнате быстро разрушились. Я готов был отойти подальше от этого страшного места, как это сделала моя сестра, но в голове опять прозвучал знакомый голос:

«Мальчик, не бойся. Спустись вниз».

Это прозвучало так чарующе и успокаивающе, что все сомнения мгновенно исчезли. После этого я твердой ногой встал на первую противно скрипнувшую ступеньку и потихоньку, будто под гипнозом, стал спускаться вниз, держась за холодные перила. После первых пяти ступенек вокруг образовалась полнейшая тьма. Если наверху мне еще удавалось хоть что-то разглядеть, то здесь все было окутано чернотой. С каждым шагом меня одолевало чувство, что я вот-вот оступлюсь и упаду. Но лестница все-таки когда-нибудь заканчивается, и мои ноги наконец почувствовали твердую

холодную землю. Стало тяжело дышать, из-за чего я громко закашлял. Эхо раздалось в беспросветной тьме в два раза громче. Здесь было тихо настолько, что слышались мое прерывистое дыхание и биение сердца, отзывавшиеся гулом в ушах.

Внезапно комнату озарил свет, я машинально закрыл лицо и вскрикнул от неожиданности. Когда же открыл глаза, то увидел пустое, грязное помещение. Меня окружали пыльные картины и старая мебель, окутанные паутиной. В самом углу бесполезного хлама стояла огромная красивая ваза — единственная достойная вещь. Причем ее совершенно не коснулась грязь, заполнившая весь подвал. Она была как новенькая: длинная, красная, с золотыми ручками и с невероятно красивыми узорами, закрытая крышкой. Кроме меня здесь явно больше не было ни единой души. Кто же тогда говорил со мной?

И будто отвечая, в голове прозвучал голос:

«Я так долго ждал тебя», — теперь он стал еще громче.

— Правда? Тебе, наверное, одиноко в этом грязном подвале? — с воодушевлением спросил я.

«О да», — печально ответил он.

— А где ты? Я не вижу...

«Прямо перед тобой».

Но, осмотрев всю комнату, я никого не увидел. Передо мной стояла только огромная ваза.

— Ты в вазе?.. — неуверенно предположил я.

«Да, и уже очень давно. Мальчик, выпусти меня. Уверен, что мы с тобой подружимся».

Его предложение прозвучало так заманчиво, что сразу же захотелось сказать: «Конечно!». Но, подойдя ближе, меня охватило сомнение: открывать или нет? Кто вообще может жить в вазе?

«Не бойся, обещаю, ты не пожалеешь. Я покажу тебе то, что не видит обычный человек, ты будешь знать *все*».

После этих слов мои сомнения сразу пропали. Знать все, даже больше, чем родители! Вот это да! И ведь если он выберется оттуда, то мне наконец-то будет с кем играть!

С этими радостными мыслями я нашел грязную табуретку и встал на нее, чтобы добраться до верхушки (уж очень большая эта ваза!). Сама крышка была ужасно тяжелая, но, приложив все усилия, мне удалось ее сдвинуть. После чего почувствовалась неимоверная боль в висках, а в ушах противно зазвенело. Я с грохотом упал с табуретки на твердый пол. В глазах помутнело.

Проснулся я уже в своей комнате. Голова жутко болела, спина тоже, но, несмотря на это, мне все-таки удалось встать с кровати и выйти в коридор. Сном ли был ночной поход в подвал? Нужно найти своего нового «друга» и убедиться, что все было реальностью. Надеюсь, мне удалось ему помочь, и он наконец-то вышел из этого мерзкого места!

— Сынок, с тобой все в порядке? Ты так долго спал, даже

пропустил завтрак, — слышался заботливый голос мамы. Но, обернувшись, я увидел невообразимое.

Мама стояла посередине коридора, а над ней парил огромный темно-бордовый скелет без ног с длинными руками, заботливо обнимающими ее. Глазницы его были пусты, а взгляд прикован к маме. На секунду показалось, что его костлявый рот расплылся в злорадной улыбке.

От этого ужасающего зрелища я упал на пол и заорал во все горло. Мама с беспокойством подбежала ко мне со словами: «Что случилось?». Но чем ближе она подходила, тем отчетливее становился ее «спутник». Меня знобило, я с криком убежал в свою комнату и закрыл дверь, чтобы не видеть больше этого «существа».

«Не нужно бояться правды, — слышался знакомый голос в голове, теперь он стал еще громче и отчетливее. — Твоя так называемая мать погрязла в своем грехе. Видел, насколько ее душа окрасилась в цвет Гнева? А знаешь почему? Я расскажу. Она ненавидит всех: отца — за предательство, дочь — за молодость, родственников — за их превосходство над ней, соседей — за крепкую и любящую семью, а самое главное — ненавидит тебя, своего единственного сына. Она проклинает свет за то, что ты копия ненавистного мужа. Ей невыносимо смотреть в твое лицо. Каждый день она плачет у себя в комнате, и гнев полностью заполняет ее. Но это еще не все! Самое ужасное — она ненавидит саму себя за слабость. Даже жизнь она винит в том, что та не ода-

рила ее «благословением». Твоя мать никогда не показывает свое настоящее лицо на людях, постоянно надевая маску “невинной страдальницы”, при этом корит всех в своей испорченной жизни. Иногда в ее грешную головку приходят мысли и об убийстве, но пока до этого не дошло. А жаль, было бы чуточку интереснее...»

Мне было больно слушать подобные слова о своей матери. Нет. Я не хотел это слушать! Поэтому закрыл уши в надежде приглушить своего нового «друга», но ничего не выходило. От безнадежности я стал заглушать своим криком голос в голове.

Это не может быть правдой! Моя собственная мать ненавидит меня настолько сильно? И не только меня. Нет! Отказываюсь в это верить!

Внезапно в плече почувствовалась острая боль.

— Ты с ума сошел?! Хватит орать! — послышался недовольный голос сестры, ударившей меня. В панике я не заметил, как вбежал в ее комнату, а не в свою.

Посмотрев на нее, чтобы хоть в ком-то найти помощь, я горько пожалел об этом. Над моей сестрой тоже парил скелет. Правда, на этот раз он был окрашен в бледно-зеленый цвет, и это выглядело еще отвратительнее. Его пустые, как пропасть, глазницы осуждающе смотрели на меня, а обнаженные зубы словно улыбались.

«А эта девушка погрязла в Зависти. Не так сильно, конечно. Видишь, цвет ее души — болотного оттенка? Она

еще не насквозь пропитана грехом. Но очень близка к этому. Знаешь почему? Вся ее сущность завидует каждому “другу”, желая им несчастья и страданий. Ей постоянно кажется, что она самый несчастный человек на свете, что мир ужасно несправедлив, а люди вокруг живут лучше, богаче. У них есть все, чего нет у нее: таланта, семьи, любви. И каждый день, прикрываясь доброжелательностью, она ищет возможности напакостить всем “обидчикам”. Ее лицемерие не знает границ...»

— Нет! Замолчи! — заорал я что есть мочи. Сестра посмотрела на меня недоумевающим взглядом, а дверь открыла перепуганная мать.

— Дорогой, с тобой все в порядке? — тревожно спросила она. Но я сильно зажмурился, чтобы не смотреть на этих страшных существ.

Хотелось убежать далеко, заглушить голос в голове. Я быстро встал и побежал от этого кошмара, растолкав столпившихся вокруг меня родных, но дорогу преградил отец, прибежавший на крик.

— Что за ор ты устроил? — недовольно спросил он.

Я продолжал стоять с закрытыми глазами и ушами. Не хочу больше видеть!

— Ты меня слышишь? Что за наглость?! — слышались его требовательные возгласы.

Он схватил меня за руку и сильно потряс, прокричав: «Отвечай, когда отец к тебе обращается!». Пришлось открыть

глаза и посмотреть наверх. Над ним стоял все тот же скелет, но уже другого цвета. На его костлявом лице отражалось наслаждение, будто он был счастлив, что отец кричит на меня. Голос в голове, будто специально, стал говорить еще громче:

«А! Вот и твой папаша! Только посмотри на этот завораживающий свинцово-синий оттенок! Цвет Похоти всегда привлекал меня... Видишь, вся его душа прогнила насквозь? Этот человек уже не может жить без своего распутства, его душа привязалась к этому греху, как корень дерева к земле. Они стали неразделимы. Мой милый мальчик, неужели ты думал, что он верен своим детям и жене? Ты был уверен, что он запирается в кабинете, чтобы никто не мешал работать? Ха-ха! Сними свои розовые очки и *посмотри!* Твой папаша запирается в своем маленьком извращенном мирке, потому что ему наскучили глупая жена и надоедливые дети. Конечно! Зачем ему семья, если можно провести время с новой женщиной, получше и помоложе твоей матери. А что он вытворяет со своей помощницей...»

На этой фразе голос остановился.

Во взгляде отца я впервые увидел пренебрежение и презрение. Он долго смотрел мне в глаза и, поняв, что ничего не добьется, произнес:

— Ты помнишь, что к нам вечером придет твой дядя с семьей? Если будешь так себя вести и при них, то наказания не избежать. *Ты* понял? — я смог только послушно кивнуть в ответ.

После этого он вернулся в кабинет, мама также ушла к себе, посоветовав мне посидеть в комнате, а сестра даже не вышла.

От безысходности я пошел в сад — самое спокойное место в доме. Не было сил плакать, что-то внутри меня разбилось, умерло. За долгие десять минут я осознал, что все свои одиннадцать лет прожил в иллюзии. Оказалось, вся моя «любящая» семья — просто подделки и на самом деле за их любовь и заботой скрывалась прогнившая насквозь... «правда»...

«Нечего убиваться, это лучше, чем всю жизнь прожить в неведении», — опять послышался голос в голове. На этот раз он стал мягче и заботливее.

Просидев с гнетущими мыслями под деревом несколько минут, я даже не заметил, как уснул. Мой организм ужасно ослаб. Через несколько часов меня разбудила мама, чтобы отправить наверх переодеться к ужину. Гости давно приехали. Все время, пока я шел к комнате, мой взор был устремлен вниз: не могу привыкнуть к этим парящим «монстрам». Они абсолютно везде, у каждого слуги. И всегда улыбаются...

Приведя себя в порядок, я спустился вниз, в столовую. Первым делом ко мне подошел дядя. Всеми силами глаза избегали его большой туши, но, когда огромные, толстые руки обняли меня, я лицом к лицу столкнулся с его костлявой душой. От пестрящего ярко-красного оттенка голова пошла кругом. Казалось, будто этот скелет наслаждается моим

страхом. По крайней мере, это отражалось в его усмешке.

«Этот мужчина — тоже интересный экземпляр. Посмотри на этот прекрасный алый цвет Чревоугодия, присмотрись к этой жирной свинье: он же съедает со стола все, что видит! Пивом и виски этот боров уже убил часть своего мозга! Главная его забота — наполнить чрево. Готов поспорить, что под подушкой у него всегда припрятан аппетитный кусочек курицы! Ха-ха-ха! Посмотри, его рот уже и пищу не прожевывает, просто глотает, лишь бы запихнуть в желудок больше. Больше! Больше! Все самое сытное и вкусное — ему!...»

От этих слов меня тошнило. Я закрыл уши, чтобы больше не слышать этого. Но это не помогало. Голос все так же продолжал звучать в голове, он все говорил и говорил.

«Его жена еще занимательнее. Ох уж этот чарующий янтарный оттенок Алчности. Все силы этой женщины уходят на скопление дорогих и желаемых вещей. Она как сорока — тащит все из магазинов себе в “гнездо”. При этом даже не задумываясь о том, нужен ли ей весь этот хлам. Думаю, что она продаст всю семью за драгоценную “блестяшку”. А ее пристрастие к деньгам заслуживает полного презрения. Она уже напрочь забыла слово “предел” и его значение. Неумеренная любовь к богатству скоро погубит ее и всю семью. Еще и муж жрет, как свинья! Интересно, что будет, если уничтожить все ее пожитки? Наверняка она сойдет с ума... Ха! Хотелось бы на это посмотреть!»

Я хотел взглянуть на тетю, нет, увидеть ее *душу*, но кро-

вавый оттенок дяди затмевал взор.

«Посмотри на их дочь! Видишь этот нежно-голубой цвет? О нет, это не значит, что она чиста и невинна. Это цвет Уныния. Самый хитрый грех, на мой взгляд. Редко кто замечает чувства его владельца, как он действует, как говорит. Окружающие думают, что все нормально, а потом... Бац! И его хозяин уже висит в петле. Правда, эта девушка немного отличается от других: ей просто все равно. Мир для нее неинтересен и тускл. Она уже давно сдалась и не прилагает никаких усилий, чтобы хоть что-нибудь изменить. Только предастся лени и просто плывет по течению. Ты никогда не заставишь ее хоть пальцем шевельнуть, хотя... Возможно, насилие хоть как-то сможет “оживить” ее душу».

— Что-то ты сегодня не в духе, — обеспокоенно сказала мама, но в ее голосе почувствовались лживые нотки, которые я не замечал прежде. — Поешь, а потом можешь идти к себе. — Отец на подобные слова только осуждающе посмотрел в мою сторону.

Все это время и вправду ужасно хотелось есть, но когда я увидел стол, полностью украшенный аппетитными яствами, то не смог съесть даже ложечку. Хотя голод был жуткий. Почему же? Не могу понять....

Больше ничего не знаю...

Вся моя «семья» уже сидела за столом, но к этим людям я больше не чувствовал той любви, как раньше. Они стали чужими. В этот момент, несмотря на омерзение, мне захоте-

лось разглядеть всех собравшихся. Над столом парили разноцветные скелеты — души «родных». Вся эта гамма цветов собралась в одну кучу. Это было отвратительно, но в то же время и завораживающе...

«Ты только посмотри на этот грешный пир!»

После этих слов до меня дошло. Голос в голове — это единственное честное существо в этой комнате. Мне не стоит больше его бояться, а наоборот — прислушаться. Ведь он прав. Все эти люди и вправду были грязные, гадкие, низкие... Они разрушали сами себя изнутри, а парящие скелеты только доказывают это! Теперь я презираю их. Они изгадили свою душу и мою хотят!

«Хочешь есть?» — пленительно спросил голос в голове.

— Да. Я хочу.

После этих слов все скелеты одновременно повернули свои головы в мою сторону и засмеялись нечеловеческими голосами.

Это произошло в одно мгновение. Кто-то успел закричать, кто-то сразу же упал. Души родных тут же растворились в воздухе, а на лицах собравшихся застыл ужас, будто они увидели жуткого монстра. Я почувствовал сладкий привкус на губах, а чувство голода, преследовавшее меня последнее время, пропало.

«Наконец-то...» — с наслаждением сказал «друг».

Стало намного легче.

Слева висело большое настенное зеркало. Я повернулся в его сторону и в отражении увидел жуткую картину: надомной парила тень, с виду напоминающая человеческую фигуру. Это была тень *чудовища*, и его широкая ядовитая улыбка выглядела зловещей, чем у скелетов моей семьи.

Глава 1

Мне едва удалось добраться до семейного особняка — совсем забыл дорогу до дома. Когда же я увидел знакомые черты здания, тело покрыли неприятные мурашки. Хотя в этом месте и прошли мое детство и юность, я все равно ненавижу этот дом всеми фибрами души. Присутствие здесь чего-то тягостного и зловещего всегда угнетало. Конечно, так можно сказать про любой старый особняк, которому больше ста лет, но это место было *особенным*.

Я с рождения очень чувствителен, с развитой интуицией, которая не раз помогала в жизни. Поэтому все детство мой дом казался неприятным, а иногда было невыносимо подолгу находиться в определенных комнатах или смотреть на старые, поблекшие обои мрачных коридоров, на которых висели портреты наших предков, внушающие паранойю. Никогда в жизни родители не привносили в этот умирающий особняк хоть капли жизни. Многие комнаты я даже никогда не видел — они разрушены. Моя семья, имея в своем распоряжении большие средства, была слишком скупа, чтобы отремонтировать хоть какую-нибудь комнату, и избавиться от омерзительной духоты старости. Их жадность можно оправдать только тем, что когда-то наша семья была на грани нищеты. Но времена бедности давно прошли, появились новые

возможности, а доходы возросли... Никогда не пойму, что им мешает.

Поэтому, уезжая отсюда три года назад в университет, я поклялся, что больше никогда не вернусь в этот проклятый дом, навевающий столько неприятных воспоминаний. Но не зря говорится: никогда не говори «никогда». Вчера, после многолетнего молчания, мне позвонил отец и сообщил, что бабушка при смерти. Доктор предполагает, что она не доживет и до конца этого месяца. После услышанного я очень долго не мог прийти в себя. Ведь она была самым светлым человеком. Невозможно представить нашу семью без нее. Бабушка относилась к женщинам-титанам, и, казалось, ее уж точно никогда не коснется смерть. Но ничто не вечно, к сожалению. С этим нужно смириться.

Дойдя до порога особняка и печально взглянув на засохший сад, я постучал по огромной двери стальным кольцом. В ответ послышалось глухое эхо, после чего дубовые створки тяжело открылись, и передо мной предстал Филипп — наш старый дворецкий.

— Господин Энтони! Прошу, заходите, — уставшим голосом пригласил он, открыв путь в гостиную.

Я зашел внутрь и сразу почувствовал неприятные ощущения, знакомые еще с детства. Мрачная атмосфера этого дома всегда действовала на меня удручающе.

— Как раз начался ужин. Идемте, — монотонно сказал Филипп, и я послушно последовал за ним.

Идя по коридору, я припомнил тех многочисленных разодетых слуг, каждый из которых занимался своей обязанностью. Теперь же казалось, что в доме нет ни одной живой души.

— Ты работаешь один? Где же вся прислуга?

— О, нет. Просто, все в трауре... Никто не может сейчас нормально работать.

— Бабушка ведь еще не умерла, а ее уже хоронят.

— Ох, господин Энтони, доктор сказал, что ее состояние резко ухудшилось. Старость, понимаете... — после этих слов на его морщинистом лице появилось страдальческое выражение. Бедный Филипп... Он был преданным, истинным дворецким, и наверняка ему тяжелее всех...

Мы подошли ко входу в столовую, и Филипп аккуратно открыл дверь. В комнате сидела вся семья, то есть то, что от нее осталось: мой отец — Джонатан, мать — Луиза, Эмили — моя младшая сестра, Даниэль — ее муж, Чарльз — дядя, и, конечно, мой старший брат — Ричард.

И только сейчас, снова встретившись со своей родней и увидев их недовольные лица, я вспомнил, что не возвращался домой не только из-за пугающей атмосферы, но и из-за семьи. За несколько лет проживания в университете я совершенно забыл тяжесть наших отношений.

Ричард Оллфорд — мой враг номер один. Наша вражда с ним зародилась еще с младенчества, начиная с поломанных игрушек и заканчивая драками. Сначала родители пред-

положили, что это просто детская ревность с моей стороны, ведь Ричард старше всего на три года, и просто не придавали значения нашей вражде. Но чем взрослее мы становились, тем хуже становились отношения. Его беспрекословная уверенность в себе и маска «важной персоны» всегда до тряски раздражала. Также Ричард уверен, что лучше меня во всем. Я не спорю, но так яростно это доказывать... Чтобы подчеркнуть свое превосходство, в школе он соблазнил мою девушку. После чего между нами разразилась жестокая драка, и, в конечном итоге, все закончилось непростительной обидой. Наши отношения после произошедшего ни на йоту не улучшились, даже наоборот. А когда я уехал, то порвал с ним всякую связь. Мы с Ричардом больше похожи на кровных врагов, чем на братьев.

Напряженные отношения у меня были не только с братом, но и с отцом. Он всегда хотел, чтобы я и Ричард стали идеальными наследниками его компании. В прямом смысле «идеальными». Он мечтал о детях, которые воплотят в себе все лучшее, что есть у него, и у которых не будет ни одного изъяна как внешнего, так и внутреннего. Я не подходил с самого детства ни к одному из его параметров: ни по внешности, ни по уму. В отличие от Ричарда. Если сравнивать нас, то получатся две противоположности: он — высокий, широкоплечный брюнет, с отличием закончивший университет, и правая рука отца; я — худой шатен среднего роста, совершенно ничем не выделяющийся из кучки народа,

просто обычный парень, студент, не обладающий никакими свершениями, имеющий в своем арсенале только хорошую интуицию. К тому же, Ричард первенец, что дает ему еще одно преимущество. Как итог: мой брат всегда старался быть для отца безупречным сыном, а я оставался в стороне. Скорее всего, из-за этого мы и не поладили с самого начала.

У сестры и матери я также не пользуюсь популярностью. Мать отдала нас на воспитание отцу, а сама занялась Эмили. Из нее она вырастила избалованную девчущку, которая не терпит слова «нет», а о бедности ничего и слышать не хочет. Под этот характер ей нашли идеального мужа — безвольного и пассивного наследника крупного состояния. Я даже не присутствовал на их свадьбе, что Эмили наверняка мне не простила.

Мой дядя — это совершенно отдельная тема. После смерти своей жены, он стал сам не свой. Сильно похудел, начал пить и из оптимистичного шутника превратился в страдающего интроверта. Иногда он начинает бормотать какую-то несвязную ерунду, но никто давно не обращает на это внимания.

Не думаю, что за эти три года кто-нибудь изменился.

Было видно, что все давно сидели за столом и ужинали. Предполагаю, меня никто здесь не ждал, а наоборот, от моего появления атмосфера в комнате только накалилась. Мы обменялись сухим приветствием. Филипп подвинул мне стул, и я с облегчением уселся на мягкую сидущку. Каждый

был погружен в свои мысли, за столом мы говорили на совершенно обычае, ничем не примечательные темы.

Чай подала маленькая белокурая девушка. Видимо, новая работница. Движения, лицо, взгляд — все это показывало ее заурядность. Странно, не припомню, чтобы в доме работала такая простушка: бабушка и мама любили заводить себе девушек поэксцентричнее.

Атмосфера с каждой минутой становилась еще напряженнее, но я все-таки решил спросить:

— Отец, Филипп сказал мне, что состояние бабушки ухудшилось. Это правда?

— Да, к сожалению. Вчера доктор сократил срок жизни на неделю.

— Я могу ее навестить?

— Если хочешь, — холодно ответил он. — Только она уже несколько дней лежит в горячке, так что вряд ли ты сможешь с ней поговорить.

После не самого приятного ужина я сразу же пошел в спальню к бабушке. В ее комнате просматривалась угнетающая картина: она лежала на кровати с ужасно бледным и иссохшим лицом, тело похудело до неузнаваемости, возле кровати стояло несколько банок с лекарствами и больничное оборудование. Неужели старость бывает так жестока? Что за болезнь смогла поразить такую крепкую женщину?

Я присел на край кровати и прикоснулся к холодной морщинистой руке. Вид ее болезненного лица был настолько

невыносим, что пришлось отвернуться. В комнате веяло смертью — это чувствовалось всеми фибрами души. Как удивительна жизнь: только недавно разговаривал с человеком, помнил его здоровым и жизнерадостным, излучавшим столько силы и энергии, а сейчас видишь, как он одиноко лежит в пустой комнате, окруженный лечебными склянками и пищащими приборами. Тяжело осознавать подобное. Тем более бабушка была единственным человеком, который искренне любил меня и не создавал идеального внука для своего удобства. Я только сейчас осознал всю суть ситуации. До этого мне мало приходилось задумываться о смерти... Так жаль, что я редко звонил ей...

В глазах появилась дымка, по щеке потекла слеза. С тяжестью на сердце я быстро встал и ушел — больно смотреть на эту предсмертную колыбель.

Быстрыми шагами я направился в свою бывшую комнату. Внутри меня сразу же окутали воспоминания из детства. Правда, тут было весьма не прибрано, но винить Филиппа в этом кощунственно. Ему сейчас хуже всех, тем более здесь вряд ли кто-то ждал моего приезда.

Я сразу же лег в постель. После дня в пути и напряженного вечера усталость дала о себе знать. Голова гудела. На минуту закрыв глаза, я не заметил, как погрузился в сон.

Меня перенесло в темную неизвестную комнату. Из разбитых окон веял холодный ветер. Внимание захватила массивная дверь из красного дерева. Ужасно захотелось посмот-

реть, что находится внутри, несмотря на всю мрачность этого места. Подойдя к ней вплотную, я осторожно коснулся ржавой железной ручки...

«Энтони!» — пронзительно раздался женский голос.

Я моментально открыл глаза и увидел перед собой девушку. Она была... прекрасна... Незнакомка излучала теплоту, казалось, светилась каким-то чарующим сиянием. Ее большие изумрудные глаза не отрываясь смотрели на меня. В них, как в двух каплях прозрачной воды, я видел свое крохотное отражение. Ее длинные, мягкие, распущенные волосы цвета каштана падали на мои плечи. От наслаждения и волнения дыхание остановилось, а тело окаменело. Я не издал ни звука, боясь, что это видение мгновенно исчезнет. Она парила надо мной, будто привидение, и я любовался этим подарком судьбы.

О, этот сон мне нравится больше!

«Ты сможешь помочь мне...», — она произнесла что-то еще, но ее голос был настолько тихим и успокаивающим, что мои глаза в блаженстве закрылись. Я потихоньку опять уходил в мир грез. Последнее, что мне запомнилось — мягкое прикосновение губ.

— Господин Энтони! Ваша бабушка умирает! — громко прокричал осипшим голосом Филипп.

Я резко вскочил от услышанного. Голову сразу же пронзила острая боль, все тело скрючило. В глазах стояла крас-

ная пелена. Пришлось собрать все свои силы, чтобы встать и быстро выбежать в коридор. Меня раскачивало из стороны в сторону. С крупной дрожью в ногах я инстинктивно дошел до нужной комнаты.

Вся моя семья и врач столпились у кровати умирающей бабушки. Однако меня поразило другое — существа, парившие над ними. Увиденное не поддавалось никакому логическому объяснению. Над моими родственниками летали человеческие скелеты и каждый имел свой оттенок. Такое сочетание цветов дурманило. Все это смешалось с алой пеленой перед глазами, создавая отвратительное чувство. От нахлынувшего отвращения меня чуть не вырвало.

Я устремил все свое внимание на бабушку: из тела также выходило *что-то*, полностью повторяющее ее образ. *Это существо* сияло, глаза смотрели вверх. После чего светящаяся фигура стала распадаться на мелкие кусочки, исчезая в небытие.

Я упал, не в силах больше стоять: все тело трясло. В этот момент передо мной появилась статная фигура отца, закрывающая всю область видения. Он смотрел прямо на меня взглядом, полным недовольства. Теперь я отчетливо видел над его головой темно-фиолетовый, почти черный скелет с пустыми, как пропасть, глазами.

— Оставь свои кривляния! Ты даже нормально принять смерть не можешь. Прояви хоть каплю уважения к своей бабушке — храни молчание, а не ори!

Только сейчас я осознал, что все это время кричал что-то невразумительное. Но как здесь не кричать, видя подобное! Нет, это все галлюцинации на нервной почве. Это не может быть правдой!

Я выбежал из комнаты и спустился вниз, на улицу. Мне нужен был свежий воздух. Холодный порыв ветра ударил в лицо, тело на миг почувствовало легкое облегчение. Красная пелена прошла, но мучительное чувство от недавно увиденного осталось. Если это галлюцинация, то слишком уж реалистичная. Неужели это помешательство? Из-за чего вдруг? Ведь все было нормально...

Мои мысли прервал чей-то тихий плач. Обернувшись на звук, я увидел женщину в домашнем платье. Она закрыла лицо руками и немного подрагивала. Никогда ее здесь раньше не видел. В любом случае, те ужасающие «монстры» над ней не летали. Видимо, это все-таки была галлюцинация, но, если это так — то все очень плохо.

Подойдя к неизвестной даме, я положил свою руку ей на плечо, но она прошла насквозь. От шока я резко отскочил и вскрикнул, отчего незнакомка подняла голову и недоумевающе посмотрела в мою сторону.

— Ты меня видишь? — робко спросила она.

В голове крутился вихрь вопросов: «Как рука может пройти насквозь? Что за паранормальщина? Кто эта женщина?»

— Энтони? — услышав свое имя, я опешил еще больше.

— Ты меня знаешь?..

— Конечно знаю, правда, тогда ты был еще совсем маленький...

— Д-да... А вы кто?..

— Я Эсмеральда. Но ты, возможно, меня и не помнишь...

Эсмеральда... Это имя принадлежало только одному знакомому мне человеку: сестре бабушки. Но это не может быть правдой. Она ведь давно умерла!

— Но вы же умерли!

— Да, это правда... — ее лицо на миг стало крайне печальным. — Вдвойне странно, что ты меня видишь. Ведь у тебя не было никаких способностей...

— Я... Я вообще не понимаю, что происходит... Голова идет кругом от всего этого!

— Бедный мальчик, представляю, как тебе тяжело, еще и в такой траурный день. Мне тоже сначала было сложно ко всему этому привыкнуть.

— Не понимаю...

— Ты сейчас видишь другой мир. Как бы тебе объяснить... Тут появляются те, кто не может попасть ни в Рай, ни в Ад. Не всем дано видеть этот мир...

— Рай, Ад, другой мир — все это страшный бредовый сон! Это же бред!

— Для кого-то бред, для кого-то реальность. Как жаль, что тебе пришлось так рано все это увидеть! Ты еще слишком молод, чтобы думать об этом, — она издала жалостливый вздох.

— Но как такое могло произойти? Я ведь просто заснул, потом проснулся и... все как в тумане, — руки опять стали трястись, чувствовалось неприятное подергивание ног. Нет, это точно все галлюцинации, сумасшествие. — Неожиданно появилась все *это!*

— Странно... Вспомни, может, что-то произошло с тобой, пока ты спал?

Я тщательно стал вспоминать вчерашний вечер: что было до и после. Но ничего, кроме несвязных снов, в голову не приходило.

— Нет! Нет! Ничего! — прокричал я в отчаянии, закрыв лицо руками.

Когда я немного пришел в себя и открыл глаза, девушка исчезла. В саду никого не было.

Неужели все-таки галлюцинация?

Нужно было пройтись, хотелось двигаться. Энергия, больше всего похожая на нервное перевозбуждение, так и струилось изнутри. Я быстрыми шагами вышел за ворота особняка и пошел по улице, переходя на бег. До меня до сих пор не могло прийти то, о чем говорила умершая Эсмеральда. Умершая! В том-то и дело, что она умерла! Если это была галлюцинация, то откуда в моей голове такой четкий образ? Я ведь совсем не помню ее. Все произошедшее казалось каким-то сном, чем-то ненастоящим, бредом больной фантазии. Я тщетно повторял про себя, что все это неправда, но мимопроходящие люди и парящее над ними «нечто»

убеждали в обратном. От всякого человека я шараялся, как от больного, а прохожие озирались на подобное поведение с изумленными лицами. Над каждым постоянно парило *что-то* разное. У кого-то эта *сущность* еще имела форму человека, у кого-то она разлагалась, отчего были видны кости, а над некоторыми парили реальные человеческие скелеты, окрашенные в разные цвета. Если уж это и есть души, то слишком они омерзительны. И что это за цвета? Меня от них тошнит...

Внезапно прозвучал пронзительный крик и зов о помощи — первое, что вывело меня из помешательства. Я посмотрел в сторону, откуда слышался шум. Впереди предстала неприятная картина: какой-то длинный амбал смотрел на плачущего ребенка такими ненасытными глазами, будто собирался его съесть.

— Эй! — послышался еще один голос, после чего из ниоткуда появился второй парень, поменьше и менее накаченный. Его лицо было еще кровожаднее, чем у первого. — Я давно за ним слежу! — воскликнул он.

— П-ф-ф, ну, и где же ты был минуту назад? Успокойся, красавчик, ты упустил свой шанс, — насмешливо ответил первый и придавил ногой бедного мальчика.

Я никогда не лез в драки, так как знал, что бессилён, но решил, что пусть уж они переключатся на меня. Тогда бедный ребенок успеет убежать.

— Эй, вы! А ну отстаньте от него! — мой голос прозвучал

ужасно неуверенно — но назад пути не было.

— А? Кто это пискнул? — оба парня обернулись.

Вдруг мальчик, лежавший под ногой амбала, прокусил лодыжку своему врагу. Тот издал дикий вопль, отчего все мое тело покрыл холодный пот. Это явно был не человек, так как от такого укуса у него не появилось ни раны, ни крови. Да и сам укус больше был похож на звериный, чем на человеческий.

— Хе! Неудачники! — писклявым голосом засмеялся мальчик. В его глазах и движениях резко появилось нахальство и пренебрежение. Сложно представить, что тот зовущий на помощь ребенок и этот бесстыжий паренек один человек.

После этих слов он проворно прыгнул на длинный деревянный забор, показав всем язык, и исчез. Парень, пришедший позже, тщетно пытался его схватить — того уже нигде не было.

— Ты за это заплатишь! — злобно пригрозил он мне, озираясь по сторонам в попытках найти мальчика.

— Тс-с, это же медиум, не видишь, что ли? — начал другой.

— Ха, то же мне медиум! У него молоко на губах еще не обсохло! Куда лезешь, когда взрослые дяди пытаются покушать?! — я ошарашенно смотрел то на одного, то на другого, потихоньку понимая, что это точно какие-то нелюди

— Ну, что молчишь? Страшно?! — здоровяк подошел ко

мне вплотную. В его мертвых, потухших глазах была видна только свирепая жестокость ко всему живому.

Внезапно землю окутал черный густой туман, а моя голова разболелась так сильно, будто ее режут тупым ножом.

— Это *он!* — шепотом произнес один из них.

— Черт! Бежим!

Через секунду их уже не было. Я посмотрел в сторону того, что так напугало этих двоих. И оцепенел... Меня объ-ял невыносимый ужас. Вдалеке образовалась темная фигура, больше похожая на тень чудовища невероятных размеров. Каждое его движение было медленным и расчетливым. На секунду образ этого существа завладел всем моим сознанием. Те двое в страхе убежали, но у монстра, похоже, была другая цель. Посмотрев в противоположную сторону, он поднял свою длинную руку, и как магнит притянул к себе того самого спрятавшегося мальчика. Ребенок кричал ревом, леденящим душу. Чудовище открыло свою огромную пасть, в которой виднелись острые зубы, и начал по частям отгрызать части тела мальчика. Из него не лилась кровь, он просто исчезал, как будто его стирали ластиком по частям.

Во время этого мерзкого процесса чудовище посмотрело прямо на меня. Черты его лица за темными волосами разглядеть не удалось, но зато глаза... В этих звериных глазах отражались усталость, злость и отвращение ко всему живому. В этот момент мое чутье крикнуло: «Беги!».

И я побежал. Побежал что есть мочи. Адреналин бил в

голову. Я ничего не видел, все было как в тумане. Ноги уже заплетались, когда впереди показался порог семейного особняка. Я упал на землю без сил, задыхаясь, но потом быстро в каком-то безумии вскочил и стал нервно оглядываться по сторонам. Единственное, что чувствовалось в этой сумасшедшей агонии — это как сильно болело тело и как от прохладных капель дождя промокала одежда.

Филипп нашел меня на земле возле порога и помог дойти до дивана в гостиной. Сказал, что позовет врача. Мой мозг заглох, тело будто умерло, и я только и мог что смотреть, как медленно горят угольки в камине. Мне казалось, что так продлится бесконечное количество времени, пока в огне не почудился силуэт монстра.

Я в панике вскочил с дивана и ударился о массивную тумбочку, из-за чего с грохотом упал. Эта физическая боль была настолько незаметной по сравнению с душевной, что я даже не издал никакого крика. Холодный пол чуть остудил жар в теле. Мне захотелось навечно остаться в таком положении, не видя и не слыша ничего. Каково же было мое удивление, когда, посмотрев в сторону, я увидел дядю, которого до этого напрочь не замечал. Оказывается, он все это время сидел рядом на кресле, попивая вино.

— Бедняга... Как ты страдаешь из-за смерти бабушки. Вот так всегда... Живем себе и не знаем, даже не задумываемся, когда наступит «этот момент». Сначала не веришь в него, думаешь, что это сон, но потом реальность приходит, и

ты понимаешь, что произошло. До тебя начинает доходить, что больше никогда не увидишь этого человека, не поцелуешь, не обнимешь, никогда... Ты даже не успел сказать ему, как сильно любил, как сильно... — бормотал он себе под нос.

Я не обращал на слова дяди ни малейшего внимания, так как был поражен тем, что окутало его со всех сторон. Это точно была его жена, я отчетливо помню ее длинные белокурые волосы, которые теперь обматывали тело дяди, как цепи. Она, видимо почувствовав пристальный взгляд, ответно посмотрела на меня своими холодными одурманенными глазами, крепко обнимая свою жертву.

Это было последней каплей... Я чувствовал, что схожу с ума, и просто отключился.

Глава 2

В бреду мне опять снилась жуткая комната. Ноги сами шли к злосчастной двери, будто кто-то загипнотизировал меня. Подойдя к ней вплотную, я схватился за ржавую ручку и со всей силы дернул. Она с отвратительным скрипом открылась. За ней не было видно ничего. Я сделал еще один шаг вперед, и меня с головы до ног покрыла тьма. Неизвестность. Все померкло, не было видно ничего кроме беспросветного мрака...

Очнулся я в помутненном состоянии и еле отвечал на вопросы доктора. Даже имя свое не мог вспомнить. Доктор объяснил, что меня лихорадило почти что неделю. Похороны прошли. Теперь единственное, что осталось от бабушки, — это мраморная могильная плита. Хотя, возможно...

Я с трудом мог поверить, что все «видения», преследовавшие меня до обморока, правда, а не бред в приступе горячки. Но нет. Смотря на врача и Филиппа, я все равно видел *эти сущности*. Парящее нечто, точная копия оригинала, а иногда уродливое костлявое тело. Какой ужас... Как теперь жить с *этим*?

Мой поток мыслей перебил громкий стук в дверь. Без приглашения зашел Ричард. Его только здесь не хватало!

— Как ты? Что говорит врач? — спросил он.

Откуда такая неожиданная заинтересованность? По холодному выражению лица Ричарда можно было понять, что на мое состояние ему все равно. От этого человека всегда нужно ждать подвоха.

— Да, все нормально, — еле передвигая язык, ответил я.

Он в задумчивости присел на край кровати. Более-менее спокойно смотря на Ричарда, я смог подробно разглядеть его «спутника». Парящее тело разложилось только наполовину. Цвет виднеющихся костей был мне омерзителен: он отливал неприятным сине-фиолетовым оттенком. На одной части его лица еще оставался глаз, больше напоминавший козий, а в другой глазнице не было ничего. Меня передернуло от подобного зрелища. Воспоминания нахлынули с новой силой, отчего чуть не вырвало прямо на Ричарда.

— Что-то тебе совсем плохо: весь побледнел... Не думал, что ты будешь так переживать...

— Ты сюда наслаждаться моими страданиями пришел? Или что? — нервно перебил его я.

— Нет. Просто... — он тяжело вздохнул. — Когда ты собираешься уезжать?

— Когда поправлюсь! — от его грубого вопроса, я весь встрепенулся.

Вот это забота! Ничего другого я от него и не ждал. Но это пока еще тоже мой дом! Когда захочу — тогда и уеду! Однако вместо всех нахлынувших мыслей, я в ответ задал тот же вопрос:

— А ты? Надеюсь, сегодня?

— Нет, мне еще нужно закончить кое-какие дела здесь...

— Ричард быстро встал и легонько почистил рукой свой костюм — это знакомое до боли движение всегда показывало, что он нервничает. — В общем, неважно, не буду тебя беспокоить, — с этими словами Ричард вышел из комнаты.

Что могло его вдруг так взволновать? Что я не собираюсь уезжать? Или тоже переживает из-за смерти бабушки? Не припомню, чтобы он был с ней в близких отношениях... Тем более его изуродованный спутник не внушал ни сострадания, ни доверия.

Вдруг ко мне пришла мысль: что же парит надо мной? Увижу ли я *свою душу*? С дрожью в руках и ногах я медленно встал с кровати и дошел до старого зеркала в комнате, со страхом посмотрев на отражение. Сердце забилося быстрее. Но... ничего... Ничего там не было. В зеркале отражалось только болезненное и измученное лицо: болотные глаза совсем потускнели, цвет кожи стал еще бледнее, губы ужасно потрескались. Все-таки болезнь дала о себе знать. Я тяжело вздохнул. М-да, мой внешний вид вызывает только брезгливость. Однако это «ничего» даже облегчало. Не думаю, что мне стало бы легче от вида парящего нечто над собой...

С невыносимой усталостью я лег обратно в постель. В комнате почему-то стало очень холодно, хотя до этого меня мучил жар. Одеяло совсем не грело, становилось все холоднее, по телу пробежали противные мурашки — похоже на

симптомы озноба. Только этого еще не хватало для полного счастья!

Меня внезапно охватил панический страх. Мозг перестал понимать, что происходит, зато чутье кричало: в этой комнате я не один. В последний раз подобное ощущение мне приходилось испытывать в восемь лет из-за воображаемых монстров за окном. Вот только сейчас, зная, что эти монстры и вправду есть, стало по-настоящему страшно. Сердце застучало быстрее и его биение с болью отдавало в уши. Я полностью зарылся в одеяло, внушая себе, что оно защитит... В этот момент почувствовалось: *кто-то* стоит рядом. Все тело дрожало, а лоб покрыл холодный пот.

«Помоги», — прозвучал чей-то дрожащий голос.

Я вскрикнул и от испуга вскочил с постели. Возле кровати стояла девушка. Ее черты лица были до боли знакомы. И в этот момент я вспомнил сон с прекрасной девой, который благополучно забыл. Правда, от той чарующей теплоты ничего не осталось. Теперь от нее исходил жуткий холод, отчего, казалось, вся комната покрылась льдом. Лицо ее было искажено в мученической боли, длинные кудрявые волосы растрепаны, а большие изумрудного цвета глаза смотрели таким страдальческим взглядом, что сердце раскалывалось. Было件нятно: она не живой человек. Тем не менее ее вид сильно отличался от внешности других умерших, которых мне удалось увидеть за короткое время. Если те хоть как-то были похожи на живых, то она больше напоминала могиль-

ную статую.

«Помоги», — голос девушки сильно дрожал.

— Чем?.. — еле слышно спросил я.

«Мало времени. Тебе нужно черное кольцо. Оно находится здесь. Затем иди с ним в закрытую комнату, спустись вниз — там сосуд. Ты сразу поймешь, что это именно он», — она говорила несвязными обрывками, будто телефонная связь в трубке обрывалась. Каждое слово ей явно давалось с огромным усилием.

— Я не понимаю...

«Прошу, помоги мне!» — с этими словами ее фигуру покрыл серый туман, и она исчезла...

Теперь вопросов стало еще больше. И, видимо, проблем то же. Что это за девушка вообще? А главное — почему вся эта чертовщина свалилась именно на меня?!

Всю последующую ночь образ этой девушки не выходил из головы. Было видно, что она страшно мучилась. Но почему? И кто ее изводит? И почему именно я могу ей помочь? Не из-за нее ли мне теперь приходится видеть весь этот паранормальный кошмар? О чем вообще она говорила? Что за кольцо? Что за закрытая комната? Сосуд? Вопросы, вопросы... И все без ответов.

Единственная часть дома с закрытыми комнатами — это восточная. Однако проход туда всю мою жизнь был закрыт из-за опасности обрушения. Что там может быть кроме ста-

рой мебели и мусора? Хотя не зря же говорят, что в старых особняках хранится много тайн.

Мне совершенно не понятно, как действовать и что делать. Но ее страдальческий вид больно вспоминать. Если она придет еще раз, то вряд ли удастся сказать «нет». У меня же не каменное сердце! Все эти события тяжело действует на мою чувствительную душу. Как теперь можно просто уехать? Совесть не даст покоя, и я уж точно никогда себе этого не прощу. Придется расспросить отца насчет кольца и восточной части дома... Уж он-то точно должен знать.

На утро я с большим усилием встал с кровати, и, спросив у встретившегося на пути Филиппа, где отец, пошел в библиотеку. Теперь мне ясно виделась терзания старого дворецкого, которые полностью отражались на его утомленном лице. Он как никто другой горько переживал смерть бабушки, при этом безукоризненно выполняя свои обязанности. Бедный Филипп, еще один несчастный. Душа его сейчас чем-то напомнила мне грустную белую черепаху. Странно... Откуда появились подобные ассоциации?..

Зайдя в нашу «сокровищницу», она же библиотека, я увидел отца, читавшего газету за чашкой кофе. Он был не один, точнее, парящее *нечто*, теперь вечный спутник каждого человека, кого мне приходилось видеть, был с ним. Взору представился этот черный скелет, чуть отдающий пурпурным оттенком. Его пустые глазницы опять смотрели прямо на меня. Я медленно подошел к отцу, также не отрывая свой взор от

скелета.

— Энтони? Как твоё здоровье? Тебе лучше? — спросил отец.

— Да, немного...

Чёрный скелет продолжал смотреть на меня. Казалось, в этих пустых глазницах отражается ненависть ко всему живому; а его костлявые пальцы крепко вцепились в плечи своего хозяина.

— Я... М-м-м, возможно, этот вопрос покажется тебе странным... — от равнодушного выражения лица отца и пристального взгляда его спутника мне становилось все тяжелее формулировать мысль. — Скажи, нет ли у нас в доме какого-нибудь старинного, особенного, фамильного кольца?

— Конечно есть, ведь наши предки были известными ювелирами, если ты, конечно, хоть немного интересуешься своей родословной. У нас почти что в каждой комнате осталось что-то от старых работ, которые мы не продали. На чердаке много всякого антиквара сохранилось, — все это он говорил таким безразличным тоном, будто разговаривал с незнакомцем и объяснял ему, как пройти по улице. — Кстати о ювелирном деле. Как дела в университете? Надеюсь *хорошо*? — он специально сделал акцент на слове «хорошо». Естественно, ведь человеку с фамилией Оллфорд нельзя быть где-то «нехорошим»! Да и вообще нужно подобающе себя вести, быть идеальным, послушным гением и тому подобное. Как мне это надоело!

— Да, разумеется, — он, удовлетворившись ответом, продолжил читать газету, попивая кофе.

Вопрос с кольцом все равно остался открытым. Неужели придется перелопатить все комнаты? И какое, собственно говоря, кольцо мне нужно найти? Черное. Но ведь этих черных колец тьма!

— Отец, а в восточном крыле все так же? Небезопасно?..

— начал издалека я.

— Естественно, — твердо ответил он.

— Так почему его не починят?

— А зачем? То крыло нам совсем не нужно. Да и тем более... — он остановился и немного помолчал. — Мой дед всегда говорил, что там произошла какая-то ужасная история, порочащая нашу фамилию. Так зачем восстанавливать эту «грязь»? Так что не лезь, куда не надо. Ты же не пятилетний ребенок, в конце концов.

— Да, конечно, — я проигнорировал эту последнюю фразу и с его позволения покинул библиотеку.

В итоге никаких ответов найти не удалось, и ничего путного узнать тоже. Возможно, что нужная вещь находится на чердаке, там и вправду всегда хранилось много старья. Но точно ли? В любом случае, проверить не было лишним.

За фонарем (на чердаке уже лет сто никто не был, так что вряд ли там было светло) мне пришлось самому идти в подсобку. Филипп ужасно устал, в одиночку выполняя обязанности по дому, так что я настоятельно попросил его сесть, и

пошел в кладовую сам. Зайдя через дверь на кухне в подвал и тщетно обойдя несколько шкафов со всяким барахлом и едой, я все-таки смог найти старый фонарь в самой глубине комнаты.

Вдруг до моего слуха донесся громкий шум, который не был похож на мышиный. Что это может быть? Если кто-то решил «навредить» нашим запасам, то лучше сразу его устранить. Я направился на звук, все больше и больше напоминая чье-то неприятное чавканье. В углу показалось черное платье и красный силуэт. Некто услышал мои шаги и, видимо, испугавшись света фонаря, вскочил. Я вздрогнул, когда понял и полностью увидел всю картину. Звук издавала новая служанка, а красный силуэт создавал ее сияющий красным оттенком спутник. Алые глаза существа, больше похожие на звериные, также в ужасе смотрели на меня, как и хозяйка. В руках служанка держала жирный кусок бекона, испачкавший весь ее рот. Ситуация оказалась крайне неловой. Видимо, она в тайне подъедает в погребе...

Девушка кинулась ко мне, жалобно закричав:

— О, господин Оллфорд, прошу, не говорите никому, особенно Филиппу! Он точно уволит меня! А у меня больная мать, нам нечем платить за лекарства! — в неистовстве умоляла она.

— Все нормально, вам не за что извиняться, не волнуйтесь, — начал успокаивать я ее, отворачиваясь от красного спутника, который почти что вплотную придвинулся к мое-

му лицу. От одного вида этих пожирающих глаз мне становилось дурно... Девушка уже встала на колени, почти рыдая. — Я никому ничего не скажу. Пожалуйста, приведите себя в порядок.

— Спасибо, — поблагодарила служанка и встала с колен.

Я сразу же быстрым шагом поднялся наверх, не оглядываясь. Внутри еще остался неприятный отпечаток от произошедшей сцены. Как мне привыкнуть к *этому*?

С большим усилием мне удалось подняться на чердак. Тут наверняка лет сто никого не было. Потолок и некоторые места на стене были покрыты паутиной, которая все время попадала на лицо и волосы. В темной комнатке возможно ориентироваться только по свету фонаря. Царила невозможная духота. Воздух наполнил едкий запах, и с каждым вздохом становилось все тяжелее дышать. Я, стараясь ходить осторожнее, так как пол, казалось, вот-вот обрушится под моей тяжестью, захотел открыть окно, чтобы хоть как-то облегчить дыхание. Но единственное небольшое окошко на стене почему-то было забито досками. Нужно быстрее осмотреться и уйти из этого отвратительного места, иначе я точно задохнусь.

Я искал что-нибудь похожее на шкатулку или коробку, где могут храниться украшения. Хлама здесь оказалось больше чем антиквариата. Осмотрев все углы, из-за чего руки стали черные от грязи, мое внимание привлек небольшой сундук под письменным столом (на фоне старых вещей он особенно

выделялся). Я вытащил его и внимательно рассмотрел под светом фонаря. Крышка сундука была расписана причудливыми узорами. Возможно, это просто какой-то антиквариат, но, может быть...

Я осторожно открыл крышку. Внутри лежало куча старых записей, какие-то чертежи, рисунки. Под грудой бумажек в углу аккуратненько стояла небольшая продолговатая золотая шкатулка. Чутье подсказывало мне, что это не просто старая коробочка. Аккуратно подняв и открыв ее, я увидел необыкновенную красоту: внутри лежало целых пять колец. Ободок каждого был сделан, если знания меня не подводят, из белого золота, но с разными верхушками довольно большого размера, и над каждым, на крышке, были изображены разные животные.

Над первым кольцом была изображена змея. На верхушке кольца я увидел зеленый изумруд, который обвивала небольшая змейка, точь-в-точь повторяя рисунок на крышке. Правда, сам камень был немного странный: когда я рассматривал кольцо с разных сторон, то под определенным углом казалось, будто из изумруда выглядывал глаз. Но, скорее всего, это впечатление создавали мое воображение и дурнота от духоты.

На верхушке второго кольца красовался алый опал, причем со всех сторон его покрывали рубины в форме зубов, словно поедая. Над ним было изображено уродливое существо: голова свиньи с огромной пастью и с большими клыка-

ми, имеющее медвежье тело.

Третье кольцо украшал синий сапфир, который обвивали руки, будто появившиеся из недр самого Ада и захотевшие заполучить этот несчастный драгоценный камень — такие ассоциации вызывал у меня дизайн этого кольца. На крышке была изображена коза. В этот момент мне показалось, будто руки на кольце начали двигаться... Все эти галлюцинации точно из-за нехватки свежего воздуха — вещи не могут быть живыми!

Четвертое кольцо поразило мое воображение еще больше. Верхушка была полностью сделана из золота, на нем не было узоров или украшений, только этот благородный металл. Создавалось представление, будто откуда-то сверху течет жидкое золото и сразу же застывает на верхушке кольца. На крышке была нарисована омерзительная картина: жабу неестественно желтого цвета окружили муравьи и поедали.

Посмотрев на последнее кольцо, я почему-то почувствовал печаль. Его верхушка, на которой красовался белый топаз, напоминала слезу. На крышке была изображена черепаха. Ее панцирь покрасили в мрачный голубой цвет. Мне стало настолько тоскливо, что пришлось на минуту отвернуться, чтобы перевести дух.

В шкатулке не хватало только двух колец. Над первым недостающим кольцом был изображен лев, чьи глаза, неестественно поднятая лапа и взъерошенная шерсть отражали только гнев, ненависть и жажду убийства. Над вторым же

был изображен павлин с необычайно красиво нарисованным хвостом. Изображения животных и качество колец поражали своей красотой. Это была работа настоящего мастера.

Я очень долго рассматривал каждое кольцо. Все материалы точно настоящие. Да и стоят они целое состояние! Почему такая выдающаяся вещь лежит здесь, на этом пыльном чердаке? Неужели никто их не заметил? Хотя двух колец все-таки не хватает...

Черного кольца здесь так же не было. Однако я чувствовал, что в этой шкатулке находятся значительные вещи. Их нельзя оставлять на этом пыльном чердаке.

Глава 3

В восточное крыло пришлось идти ночью, чтобы никто не заметил моего «преступления». Я еле выломал ломом, взятым незаметно в той же подсобке, дверь и вошел. Внутри было не так уж и плохо, как представлялось из рассказов отца. Я направился к ближайшей двери по длинному коридору, казавшимся бесконечным. Причем меня посетило такое сильное чувство дежавю, что по телу прошли неприятные мурашки.

Наконец-то я дошел до двери. Она была в расхлябанном состоянии, поэтому, поднапрягшись, мне с легкостью удалось ее выбить. За ней находилась столовая. Комнату освещали только лунный свет и мой фонарь. Я удивился, что попал в столовую. Обои обрывались, пол был накрыт грязным ковром, вся мебель, посуда и вещи почему-то остались нетронутыми. Что с этой комнатой не так? Такое ощущение, что из столовой сбежали, а не закрыли из-за опасности обрушения. Воздух здесь также наполнен каким-то зловонным запахом. Атмосфера угнетала.

За большим столом виднелась очень знакомая дверь. Не могу вспомнить, где я мог ее видеть. Возможно, она просто похожа на какую-то другую... На миг ее цвет стал принимать алый оттенок. Это видение продлилось секунду... При-

дя в себя, я медленно и неуверенно подошел к двери. Рука невольно коснулась поблекшего дерева, грубо дернув за ржавую ручку. Стало невыносимо холодно, все тело покрыла дрожь. Все это где-то уже было...

Дверь тяжело открылась всего на несколько сантиметров. Пришлось с силой толкнуть ее, чтобы войти внутрь. Раздался противный скрип по всей комнате. Лестница за дверью вела в пустоту. Подвал, прекрасно! Даже свет от фонаря не мог осветить путь — вдалеке была только тьма. Мои руки плотно, до боли в пальцах, схватились за холодные перила. На секунду чутье остановило меня: «А стоит ли?». Но что-то привлекало вниз, звало...

Я сделал первый шаг. Потом еще один. Меня до сих пор окружала тьма, фонарь будто совсем не светил. От накопившего страха я настолько быстро пробежал по ступеням, что чуть не свалился. Под ногами почувствовалась холодная сырая земля. В подвале было очень тихо. Можно было услышать свое дыхание и быстрое биение сердца. Моему взору представилось почти что пустое и ужасно грязное помещение. Атмосфера была еще хуже, чем наверху. Здесь будто обитало *что-то*, и это *существо* оставило здесь свой мерзкий след.

В комнате были только страшно грязные картины, мебель и огромная, высокая, красная ваза. Ее украшали причудливые узоры, при этом на керамической поверхности не было видно ни одной пылинки и грязи, а цвет даже не потускнел

— будто она совсем новая. Невероятно. Возле нее лежала такая же прекрасная крышка. Возможно, это тот самый «сосуд», о котором говорила девушка, но причем тут кольца? Как связать все эти вещи вместе? Ничего не пойму... В итоге пришел к тому, с чего и начинал. Причем вопросов стало еще больше.

Внезапно послышался чей-то громкий топот. Что-то или кто-то спускался по лестнице, но потом застыл. Настала гробовая тишина. В этот момент все замерло.

Само время, казалось, тоже остановилось.

Я резко закричал — слишком долго длилось это безмолвие, и нервы просто не вытерпели.

— Зачем же так орать? И хватит светить мне в глаза, — раздался недовольный голос Ричарда, тщетно пытавшегося закрыть рукой лицо.

— Ричард?! Ты что здесь делаешь?! — я специально направил свет фонаря прямо на него, чтобы убедиться, что это мой брат. — У меня чуть сердце не остановилось от страха!

— Я увидел, как ты ломал дверь в восточное крыло и пошел следом. Ты был настолько погружен в свои мысли, что даже не заметил меня.

— Что за бред?!

Минуту мы стояли молча и смотрели друг на друга в напряженной тишине.

Что все это может значить?

— Ну что? Так и будем молчать? — недовольно спросит

Ричард.

— Зачем ты следил за мной? Ведь мог просто сразу же остановить.

— Мне стало интересно, зачем ты сюда пошел.

— Ты мне врешь, Ричард!

— Послушай, Энтони, я на твоей стороне. Как бы странно это не звучало... — он отвернулся от меня в замешательстве.

— Что значит «на моей стороне»?

Он глубоко вздохнул, лицо стало серьезным и строгим, глаза смотрели куда-то вдаль, сквозь меня — его известный способ абстрагироваться, когда ситуация ему неприятна или когда приходится рассказывать на личные темы.

— К тебе ведь приходила девушка просить о помощи: поэтому ты здесь, так?

— Допустим, — нехотя ответил я.

— Она тоже ко мне приходила, еще до твоего приезда...

Я видел ее во сне.

Моему удивлению не было предела.

— И она тоже просила тебя о помощи?

— Да.

Во мне разыгралась обида. Не из-за того, что девушка просила помощь не только у меня, а просила ее именно у *Ричарда*. Это же Ричард. О какой помощи может идти речь? Он всегда думает только о себе.

— А для чего тебе ей помогать? Не припомню, чтобы ты отличался отзывчивостью.

— У меня есть на это свои причины.

— Ну конечно.

— Энтони, это не самое лучшее место, чтобы спорить.

В этом Ричард был прав, место и вправду было жуткое, и постепенно в этом подвале становилось все холоднее. Но с каждым его словом раздражение росло, и ситуация все больше выводила меня из себя. И так всегда — когда мы оставались наедине, во мне просыпалась затаенная ярость. Самому противно от своего поведения, но общаться с ним по-другому не могу.

— Хорошо, а ты понял, что нужно делать?

— Да. Мы не так долго говорили, но суть она успела объяснить.

— Тогда может и мне расскажешь?

— Это не подождет? — недовольно спросил он.

— Нет!

— Ладно... Ее мучает какой-то монстр не из нашего мира, и она обратилась ко мне, чтобы я ей помог. Правда, потом она исчезла, и я больше не видел ее во снах. Девушка сказала, что помочь ей можно только, если убить его с помощью какого-то кольца. Я перерыл весь дом, но так ничего и не нашел. Еще она говорила о сосуде, который, видимо, стоит за тобой, но не указала, где его искать. У меня были мысли о восточной стороне дома, но я не был уверен. А, увидев, как ты ломаешь дверь сюда, понял, что мы с тобой ищем одно и то же.

— Да уж, не сильно много она тебе объяснила, впрочем, как и мне. Одного я не пойму, почему она приходила и ко мне, если обратилась к тебе, — Ричард так уверенно рассказал свою историю, будто был знатоком в паранормальных явлениях. Сколько же он знает? И сколько *видит*?

— Меня тоже интересует этот вопрос. В любом случае, нашел ли ты то кольцо, о котором она говорила?

— Я нашел какие-то кольца, но там не было ни одного черного.

— А нужно именно черное? Может быть, нужно любое, с помощью которого можно его уничтожить.

— Стой, подожди. Уничтожить?! — дошло до меня.

— Да, а в чем проблема? — самодовольно спросил он.

В моей памяти сразу возникли те два существа, напавшие на мальчика и... *тот монстр*. Если этот мучитель такой же, то Ричард даже не представляет, с кем нам придется столкнуться.

— Послушай, ты хоть когда-нибудь видел, какие *они* могут быть?! Это невозможно!

— Спокойно, не нервничай. Они ведь нам ничего не могут сделать.

Да, как тут не нервничать! Всегда удивлялся его уверенности в себе.

— Ты кем себя вообразил?! Спустись на землю!

Внезапно в комнате стало еще холоднее. Это заметил и я, и Ричард (судя по тому как он поежился). Комнату покрыл

густой белый туман.

— Что происходит? — недоумевающе спросил Ричард, видимо, тоже почувствовав, что атмосфера изменилась.

При свете фонаря за серой дымкой проявлялся силуэт девушки. На ее мертвенно-бледном лице отражалась усталость и боль. Она грустно посмотрела на меня и Ричарда.

«Вы пришли *оба*?» — громко прошептала она в нерешительности.

— Да, но мы, скорее всего, не сможем тебе помочь, по крайней мере, сейчас.

— О чем ты говоришь?! — прошипел Ричард. Я с непониманием посмотрел на него. Неужели он не видит, что мы не имеем ни сил, а в особенности знаний о том, что нужно делать. — Мы тебе поможем, — наотрез отказываясь соглашаться со мной, ответил девушке брат.

— Ричард, ты что, не понимаешь?! Мы даже не знаем, что делать! Я тоже хочу помочь, но...

«Нужно кольцо, кольцо...», — умоляюще произнесла девушка.

Я вытащил из кармана продолговатую коробочку с кольцами, которую нашел на чердаке, и открыл крышку.

— Какое из них?

Она с надеждой взглянула на украшения, но, просмотрев все, ее лицо исказилось в отчаянье.

«Нет, все не то, не то!» — завопила она. От подобных воплей кровь застыла в жилах — это был крик отчаявшейся

жертвы.

В этот момент стало невыносимо дышать: легкие заполнил ледяной холод, внутри все сжалось.

«Это *он!* Поздно...», — в ее голосе звучал ужасающий страх.

Внезапно из ниоткуда появилась ужасающая фигура, так оглушительно и быстро, что девушка отчаянно вскрикнула. Сердце болезненно сжалось. Мое врожденное чутье сразу почувствовало в *нем* всю грозящую опасность. Я сразу вспомнил эту жуткую атмосферу: это тот самый монстр. Такое не забудешь! В памяти возник бедный мальчик, которого он так чудовищно и безжалостно поедал. Это точно конец... То, во что мы ввязались, — самоубийство.

«Наивная! Неужели ты думаешь, что я настолько глуп?»

Этот бесчеловечный голос ужасал. Захотелось убежать подальше, уменьшиться в размерах, чтобы он тебя не увидел. Я всем телом чувствовал его ужасающую силу, которая полностью поглощала все мое существо. Стало по-настоящему страшно, так страшно, что захотелось спрятаться подальше, в далекий уголок, и сидеть там, пока хозяин этого ужаса не уйдет.

Ричард что-то пытался сделать, но видно было, что он так же, как и я, почувствовал давление этой чудовищной силы, которое не позволяет даже дышать. Тут не нужно врожденное чутье, чтобы понять, что с ним невозможно тягаться, даже пробовать не стоит. Особенно Ричард явно *ничего* не ви-

дит!

«Вы просто мухи! Вас нужно было уже давно прихлопнуть.»

Он посмотрел прямо на меня. Этот взгляд был настолько холоден и зловещ, что тело выворачивало наизнанку.

Монстр резким движением огромной руки схватил девушку за горло. Она не успела даже пискнуть, как ее поглотил алый разъедающий дым, после чего бедняжка неистово завопила. От ее крика разрывалось сердце — в нем было столько отчаянья и боли. Я не мог даже пошевелиться и, не отрываясь, смотрел на эту жуткую сцену.

Повсюду начал распространяться черный, как сама тьма, туман, который заморозил все тело. Невозможно было даже пальцем пошевелить. Мир просто отдалился, отошел в сторону, а на первое место стал *Он* — создатель ужаса. В меня через силу проникла жгучая боль. Я задрожал всем телом, ноги не держали болезненное тело. Ричарда также пробилась сильная дрожь от пронзительной боли, уничтожающей весь организм изнутри. Он уже валялся в судорогах, вцепившись в свою рубашку и пытался закричать, но издавал только еле слышные звуки, пытаюсь набрать воздуха.

Это произошло настолько быстро, что я даже не успел ничего понять. Просто смотрел на то, как убивают моего брата...

Внезапно я почувствовал невыносимую боль в горле. Острые пальцы вцепилось в мое горло, мерзкое лицо возникло

прямо передо мной. В его черных змеевидных глазах я не увидел ничего человеческого.

— Чудовище, — только и смог прошипеть я.

После этих слов, вырвавшихся в порыве отчаянья, мне стало тяжело дышать, в глазах потемнело. Ничего не было видно кроме холодной тьмы. Я понял, что все кончится сейчас...

* * *

Когда я открыл глаза, все исчезло, будто ничего и не было. Мир, как и эта комната, вернулись в нормальное состояние. Горло невыносимо болело. Дрожь в теле потихоньку проходила, но страх, который пришлось испытать совсем недавно, невозможно было забыть... Такое точно не сотрется из памяти.

Ричард тоже был жив. Он сидел возле меня бледный как полотно. Этот момент наверняка также оставит на нем свой отпечаток.

— Ты все равно еще хочешь помочь той девушке? — спросил я, когда Ричард своими дрожащими руками помогал мне встать.

— Да...

После произошедшего я пошел в свою комнату, свалился на кровать и заснул. Спаслось ужасно. Я часто просыпался, вздрагивая или крича. Когда сон уже совсем не шел, за ок-

ном светило солнце.

Нет времени на отдых. Нужно что-то предпринять до того, как этот монстр вернется. И жива ли эта девушка? Точнее, она мертвая, но на совсем ли? Может ли умерший снова умереть? И почему это чудовище не убило нас? Что делать дальше?

Слишком много вопросов без ответа.

В этот момент мне вспомнилась Эсмеральда. Она ведь не умерла и находится *там* уже давно. Может, ей что-нибудь известно?

Я собрал все оставшиеся силы, встал и направился вниз, в сад. Но остановился на полпути, услышав воодушевленные голоса в гостиной. После смерти бабушки мне не попадались на глаза ни мать, ни сестра. Меня вдруг охватило неожиданное любопытство *посмотреть...*

Я зашел в гостиную, все еще не понимая своего неожиданного порыва, особенно после произошедшего. Мама и Эмили сидели на диване и разбирали покупки. Над ними были все те же скелеты. Я надеялся, нет, *хотел* увидеть их в человеческом образе, но они были изуродованы, как и у отца. Точнее идентичны, только цвет немного отличался. Их скелеты, точнее их кости, казалось, сплетались воедино, были неотделимы друг от друга. Лиловый цвет матери соединялся с кораллово-розовым цветом сестры — вместе эти оттенки создавали омерзительное чувство. Что это может быть? Что означают все эти цвета? А это соединение душ — семейные

узы или цепи развращенности?

— Энтони, ты еще не выздоровел? У тебя такой болезненный вид, — первая спросила Эмили, когда я подошел. В этот момент Филипп аккуратно доставал ее новое платье из коробки. Еще одно. Зачем женщинам столько платьев? Никогда не понимал этого...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.